

Московский комсомолец, 1963, 24 февр

ВЕЛИЧИЕ ЧЕЛОВЕКА

МУЗА античной трагедии однажды ласково улыбнулась мне — предложили сыграть Эдипа в зале Чайковского. Но я не сумел ответить на улыбку музе, не собрался реализовать это предложение...

С тех пор я особенно пристально и ревниво наблюдаю за спектаклями, когда слышу со сцены трагическое слово древней Эллады.

И вот я в том самом зале Чайковского на спектаклях «Электры» и «Медеи». Я с нетерпением ожидаю, что мне, зрителю, скажут пирейцы о родном им искусстве. Ведь кому-кому, а им и карты в руки.

Я должен сознаться, они открыли то новое, что мне еще мерещилось в моих мечтах.

Мы привыкли знать древнегреческую трагедию как трагедию, разыгранную на котурнах (с котурнами или без них). Привыкли к приподнятым и возвышенным чувствам, к живописным и превеличественным жестам, громким голосам и стенаниям. Все это бывало похоже на подлинное, но редко бывало подлинным. Оно воздействовало на ум, зрение, порою заставляло удивляться, даже восхищаться, но... не трогало сердца.

Режиссер Димитрис Рондирис строго следует законченной партитуре своего замысла и талантливо заключает его в гармоничную форму. Он волнует меня, особенно в «Электре», о которой я и буду говорить главным образом, музыкальностью, упругой композицией спектакля, монолитностью его, соразмерностью частей. Такое удается не часто. Знаменательно то, что режиссер и хореограф, не растворяясь в актерах и не главенствуя над ними, создают чудесное содружество артистов — ансамбль индивидуальностей, где никто не пропадает, но и не выпячивается за счет другого, в ущерб целому.

Актеры сошли с котурнов, сняли маски, но, перестав быть ожившими скульптурами, сошедшими с пьедесталов, они не впали в другую крайность — не обывали своего поведения. Актеры существуют как люди, говорят человеческими голосами, о человеческих чувствах.

Когда слушаешь самобытного актера, знакомое предстает в новом свете, появляется как бы новый текст, дотоле тебе не известный. Так властно повел нас

Николай МОРДВИНОВ,
народный артист СССР

по новому пути замечательный талант Аспасии Папатанассиу. Мы не знаем родного языка актрисы, но понимаем смятение, отчаяние, гнев ее Электры, ее Медеи.

Казалось бы, какое мне дело до Ореста, убийств, мести, событий, удаленных от меня на тысячелетия? Но страсти одержимой Электры, горячее сердце удивительной актрисы, трепетная согласованность хора и всех актеров, стройность спектакля в целом заставляют волноваться и страдать вместе с ними.

Как заявка на образ Электры, как лейтмотив симфонии прозвучал за стеной дворца голос, полный отчаяния, вопль такой

но точные интонации актрисы так верно передают содержание трагедии, что не понять невозможно.

Так же точен и хор. Он соперничает с актрисой, то солируя, то аккомпанируя солистке, как бы досказывая ее трагическую тему. Хор не иллюстрирует чувства героини, он сосуществует с ними.

В этом спектакле я впервые понял глубину и силу поддержки хора, где вздох или всплеск отчаяния является мощной силой воздействия. 14 девушек существуют и говорят, как одна, живут, как одна, повторяют внешний рисунок, как одна, не теряя при этом индивидуальности. Эта удивительная услов-

никали разные ассоциации: далекие и близкие, литературные и жизненные, из жизни нашей страны и сегодняшней Греции... Я смотрел, зачарованный, и гордился, и радовался, как будто я сам играл спектакль или его ставил. И волновался, и восхищался, и комок подкашивал к горлу.

Я радовался и гордился за моих коллег, за наше с ними искусство, за его действительную силу, способную объединять разноплеменных, разноязычных людей, ради одной, большой, главной мысли, общечеловеческой мысли — ради справедливости.

Истина, заложенная в классическом произведении, вечна, немеркнуща. Она говорит о борьбе за счастье и справедливость, за жажду красоты, говорит об истинном величии человеческой души, и потому хороший художник найдет в нем современное звучание.

Это современное звучание и потрясает в искусстве наших гостей. «Идея красоты была для греков безусловной идеей», — утверждал наш великий мыслитель Герцен. Маркс на новой ступени развития общества призывал «строить жизнь по законам красоты».

Не нам ли, советским людям, радоваться, что такая красота существует, что она объединяет, что она зовет к братству, справедливости и светлomu в жизни.

(АПН).

К итогам гастролей греческого театра

трагической безысходности, что один он готов поднять зал в защиту этой маленькой, ничем не приметной женщины, с глубокой трепетной душой. Он мгновенно завладевает сердцами разного по вкусам, устремлениям, призваниям зала, наполненного до отказа.

Меня пленил и скупой пластический рисунок внешнего поведения героини, далекий от красоты, но красивый и выразительный по своему глубокому и строгому содержанию.

Есть в роли места, о которых не можешь не думать. Удивительна волнующая и скорбная сцена, когда Электре вручают урну с прахом ее брата. Заплаканное лицо актрисы, ее глаза, полные скорби и горя, — от них невозможно оторваться. Бесконечное отчаяние и скорбь, в которые погружается маленький беспомощный комочек на полу, потрясает, а ласковые руки, баюкающие бесценный сосуд — урну с пеплом брата, эти текущие, сникающие руки досказывают трагедию раненой души. Все это настолько исчерпывающе ясно, что живая жизнь в своей законченности сама превращается в скульптуру, в некий надгробный плач.

Голос Электры — Папатанассиу, тревожный и прекрасный, глубокий и сильный, безупреч-

ность, остающаяся условностью и переставшая быть ею, — вот парадокс, так она оправдана, необходима, закономерна и необычна. Это, как музыка, исполняемая одним артистом, на одном инструменте.

Поверх всего — глубокий профессионализм искусства греческого театра. Здесь каждый, в меру ему отпущенного дарования, отвечает за все, что он делает. Отсюда прекрасные, стойкие, чистые, ровно звучащие во всех диапазонах голоса, прекрасная дикция, тренированные тела, разработанный жест, умение держать строку стиха...

«Медея» тоже хороший, стройный, выисканный спектакль, и Аспасия Папатанассиу в нем другая — это я очень люблю в искусстве актера. И хор иной — тоже знаменательно, но этот спектакль разбавлен большим количеством движения и проигрывает перед «Электрой». Он ближе к знакомой стилизации и потому холоднее.

Когда же я смотрел «Электру», я радовался величии человеческой души, силе разума и горевал, что человеку сопутствует столько несчастий. Я еще раз почувствовал неистребимую силу человека, его способность переносить непереносимое, не теряя при этом своего человеческого облика. Мысленно воз-